

А.С. Неверов

Ташкент - город хлебный

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А11

А.С. Неверов
А11 Ташкент - город хлебный / А.С. Неверов – М.: Книга по Требованию, 2022. – 78 с.

ISBN 978-5-4241-3175-2

Творчество А. Неверова одна из великолепных страниц русской советской литературы.

В романе "Ташкент - город хлебный" страшная картина всеобщего голода показана через восприятие 12-летнего мальчика, который с ужасающей серьезностью ребёнка проходит через нищету, насилие и страдание.

ISBN 978-5-4241-3175-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022
© А.С. Неверов, 2022

Неверов Александр
Ташкент - город хлебный

Александр Неверов
Ташкент - город хлебный
Федору Васильевичу
Гладкову
Считаю долгом выразить свою
признательность писателю
Александру Федоровичу
Насимовичу, разговоры с
которым о детях в современной
литературе и побудили меня
написать эту повесть.
Александр Неверов.

1.

Дед умер, бабка умерла, потом - отец. Остался Мишка только с матерью да с двоими братишками. Младшему четыре года, среднему - восемь. Самому Мишке - двенадцать. Маленький народ, никудышный. Один каши просит, другой мельницу-ветрянку ножом вырезает - на конек, вместо игрушки. Мать с голодухи прихварывает. Пойдет за водой на реку, насилу вернется. Нынче плачет, завтра плачет, а голод нисколько не жалеет. То мужика на кладбище несут, то сразу двоих. Умер дядя Михайла, умерла тетка Марина. В каждом доме к покойнику готовятся. Были лошади с коровами, и их поели, начали собак с кошками ловить.

Крепко задумался Мишка.

Семья большая, работники маленькие. Он самый надежный. Отец так и сказал перед смертью:

- Ты, Мишка, за хозяина будешь.

Вышел на улицу Мишка, мужики Ташкент поминают. Хлеб очень дешевый там, только добраться трудно. Туда две тысячи верст, оттуда две тысячи верст. Без денег нельзя: за билет надо дать и за пропуск надо дать.

Долго слушал Мишка, спросил:

- А маленьким можно туда?

- Или ехать хочешь?

- А что будет? Залезу в трещину - меня не увидят.

Сменются мужики.

- Нет, Мишка, тебе придется дома сидеть. Не такие головы назад вертаются. Порасти еще годков пяток тогда поедешь.

А Мишка не верит мужикам. Видит, Ташкент - город хлебный, ничего не боится. Станет пугаться немножко, тут же успокаивает себя:

- Попробуй, чай, ты не девченка. Подавать не станут, на работу наймешься. Целое лето плугом пахал заместо отца, лошадей умеешь запречь. Это только годов тебе немного, на делах тебя большой не догонит.

Крепко задумался Мишка.

Не выходит из головы Ташкент - город хлебный. Станет на-глаз прикидывать: две тысячи верст - совсем недалеко. Пешком если - далеко. Сесть на чугунку - в три дня долетишь. А пропуск совсем не нужен. Увидят - мальчишка маленький едет, скажут: "не троньте, товарищи, это Мишка голодающий. Какая в нем тяга? Полпуда не будет со всеми потрохами". Выгонят из вагона, на крыше два дня

продержаться можно. Лазал он на деревья за грачинными гнездами, это похуже, чем крыша, все-таки не падал...

Увидал дружка своего Сережку Карпухина, годом помоложе, обрадовался.

- Айда двое с тобой!

- Куда?

- За хлебом в Ташкент. Двоим веселее. С тобой что случится - я помогу. Со мной случится - ты поможешь. Все равно, не прокормимся мы здесь.

Сережка не сразу поверил.

- А если дождик пойдет?

- Дождик летом теплый.

- А если солдаты прогонят?

- Мы тихонько от них.

Сережка нерешительный. Ковырнул в носу два раза, говорит:

- Нет, Мишка, не доедем.

Мишка побожился:

- Ей-богу, доедем, только не бойся. Теперь красноармейцы везде, они не прогонят. Узнают, что мы голодающие, хлеба дадут.

- Маленькие мы, заботимся.

Мишка начал доказывать: совсем и не маленькие. Это не беда, что Сережка моложе, хлопотать будет сам Мишка: место разыскивать на чугунке, людей упрасивать. Чай, не девчонки они! Плохо придется - потерпят. С чугунки прогонят - все равно - двоим не страшно. Переночуют до утра, маленько пешком пойдут. Потом опять залезут, как только начальники заглянутся.

- А назад когда вернемся? - спросил Сережка.

- Назад мы живо вернемся. Туда, самое многое, четыре дня, оттуда, самое многое, четыре дня. Соберем по двадцать фунтов и ладно, чтобы тяжело не было.

У Сережки глаза загорелись от радости.

- Я пуд донесу!

- Пуд не надо. Отнимают, у кого много. Лучше еще с'ездим два раза, когда дорогу узнаем.

- Давай, Мишка, никому не сказывать.

- Давай!

- Ты знаешь, да я, больше никто. Пристанут Коська с Ванькой, а сами шишиги боятся. Куда с ними доедешь?

- А ты не боишься?

- Чего мне бояться! Я на мазарки*) в полночь пойду.

*) На кладбище.

2.

Мать на кровати охала. Младший Федька дергал ее за подол, клал палец в рот, просил хлеба. Средний, Яшка, делал деревянное ружье - воробьев стрелять для пищи, думал:

- Убью троих - наемся. Маленько Федьке с мамкой дам. Эх, вот бы голубку подшибить!

Вошел Мишка в пустую голодную избу, шапку нахлобучил, брови нахмурил. Сразу стал похожим на большого настоящего мужика и ноги по-мужичьи растопырил.

- Ты что, мама, лежишь?
- Нездоровится мне нынче, сынок.
- А я хочу в Ташкент за хлебом с'ездить.
- В какой Ташкент?
- Город есть такой, - две тысячи верст отсюда, и хлеб там больно дешевый...
Говорил Мишка спокойно, по-хозяйски, как большой настоящий мужик.
Мать смотрела удивленными глазами.
- Болтаешь, что ли - не пойму я тебя!

Начал Мишка рассказывать по порядку. Ягоды много там и хлеба у каждого по горло. Зараз можно привезти тридцать фунтов. (Нарочно прибавил десяток, чтобы мать лучше поверила). Рассказывал складно, словно по книжке. И что от мужиков слышал и что сам придумал - все выложил. Туда самое много, четыре дня, оттуда, самое много, четыре дня.

- Ты, мама, не бойся.
- А если домой не вернешься?
- Вернусь.
- Смотри, сынок, заставишь меня по всем ночам не спать, только и буду думать о тебе. Мужики большие и то не едут.

- Мужики, мама, хуже. Билет им с пропуском надо, а мы с Сережкой на глаза у всех скроемся. Все равно, кроме меня, некому хлопотать. Куда Федьку с Яшкой пошлешь? А я не испугаюсь.

- Ну, смотри, Миша. Христа ради прошу, не залезай на крышу. Помилуй бог, сорвешься ночным делом - пропадешь. Лучше в ноги кому поклонись, чтобы посадили в спокойное место. Что я буду делать, когда одна останусь?

- Не бойся, мама, не упаду.
- Осмотрел Мишка лапти, разбитые в пятках, нахмурился.

- Худые, черти!

Но тут же успокоился.

- Теперь не холодно, босиком можно.

Ножик складной отточил на кирпиче, шилом дырочку просверлил в рукоятке, повесил на ременный поясок, чтобы не потерялся. Отсыпал соли в тряпичку, крепко затянул узелок, чтобы не рассыпалась. Свил веревочку кудельную про запас: мало ли что может случиться в дороге! Отец покойный всегда так делал: едет на базар, ось запасную берет, колесо, оглоблю. Колеса Мишке не нужно, а веревочка Эр и годится.

Мать достала мешочек-пудовичек, наложила заплаты с обеих сторон.

- Одного-то хватит, Миша?
- Давай два, из двух не вывалится. Можя, разные куски будут давать.

Поверила мать.

- И правда, Миша. Все бери, чего придется. Можя, зерном маленько принесешь - посеем.

Сняла с себя в чулане рубашку мать, отрезала станину красную на мешок.

Бросил Яшка ружье деревянное делать, с удивлением взглянул на брательника.

- Мишк!
- Ну?
- И Сережка едет с тобой?

Не ответил Мишка. Вышел на двор, огляделся.

Вот так голод!

Колесо валяется, дуга валяется, а лошади нет и коровы нет. Раньше куры клохтали, петух во все горло кричал, теперь только столбы да крыша худая. Ну, ничего. Удастся в Ташкент хорошо с'ездить - дело поправится. Самое главное, бояться не надо. Едут другие, и Мишка попробует. Он только годами маленький, на делах его большой не догонит.

3.

Опять мужики на улице говорили про Ташкент. Кружились в мыслях около невиданного, слушали про сады виноградные, дразнили себя пшеницей двух сортов: поливной и багорной. Цены невысокие. Рай! А попасть трудно: билет нужен, пропуск нужен.

Мишка не боялся.

Как в сказке, стоял перед ним Ташкент - город хлебный. Сады виноградные - во! Шутя можно урюку карман нарвать. Все равно, если ползком, никто не увидит.

Говорили мужики - воздух очень горячий там - задохнуться можно - и этого не боялся Мишка. Наверное, речки есть, как у нас. А раз речки - можно купаться.

Когда Сережка упомянул про киргизов, мимо которых придется ехать, Мишка и тут не сробел.

- Если киргизы - люди, чего их бояться?

- А можа, они не люди?

- Там увидим. Сейчас насажут всякой всячины.

4.

На полях стояла тишина. В голубом небе пели жаворонки. Ниже гудела проволока на телеграфных столбах, уходящих вперед длинной вереницей. За столбами - станция. На станции чугунка. Мишка два раза видел ее, когда с отцом в Самару ездил. Интересная! Ползет сажень на пятьдесят, из трубы - дым. как печка топится, и дудок свистит.

Шел Мишка в отцовском пиджаке, подпоясанный солдатским ремнем, широко размахивая палкой. За плечами мешочек-пудовичек. В нем другой мешочек, сшитый из материнной станины красной. В красном мешочке - кружка жестяная, тряпочка с солью, кусок травяного хлеба и старая бабушкина юбка, которую надо продать городским.

Сережка шагал босиком с левой стороны. Большие мужичьи лапти с длинными бабьими чулками висели через плечо. К лаптям привязаны два мешка, скатанных трубкой.

Шли и уговаривались - друг друга не бросать. Захворает один - другой должен ухаживать. И кому подадут вперед, чтобы пополам делить.

Когда показалась маленькая станция, Сережка сказал:

- Гляди, Мишка, я дымок вижу. Это не наша чугунка?

Мишка растопырил ладонь около глаз.

- Теперь вся чугунка наша. На которую поспеем прежде, там и поедем.

- А много их?

- Штук двадцать.

- Ты передом пойдешь?

- Угу.

Сережка улыбался.

- Я все равно не боюсь. Сколько верст ушли, а ноги не устали. Давай сажени мерить!

- У меня шаги шире твоих.

- Я тоже буду широко шагать.

Мишка советовал:

- Не надо торопиться - хуже устанешь.

На бугорке присели отдохнуть. Вытащили тряпички с солью, расстелили на травке. Сережка сказал:

- У меня соли больше, чем у тебя.

- А хлеб у тебя есть?

- Положила мама четыре картошки.

- Картошкой не наешься, хлеба надо.

- Где я возьму?

Мишка нахмурился.

В мешке у него лежал кусок травяного хлеба. Хорошо, если бы и у Сережки лежал кусок травяного хлеба. Тогда у обоих поровну, а теперь невыгодно. Куснут раза по три - останется половина.

- Почему ты хлеба не взял маленько?

Сережка лежал на животе, обсасывая травку. Глаза у него стали скучными, верхняя губа плаксиво топырилась. Поглядел он в ту сторону, где деревня осталась - даже колокольни не видать. Поле кругом да столбы телеграфные. Если назад вернуться - до вечера не дойдешь.

Жалко стало товарища Мишке.

Вспомнил уговор - помогать друг другу, отломил кусочек хлебца.

- На! Придем на станцию отдашь. Ты думаешь, хлеба мне жалко?

Сережка молчал.

С'есть он мог больше фунта, а Мишка дал маленькую крошку. Не станут давать на станции - жди до утра. Не станут утром давать - жди до вечера. Посмотрел еще раз в ту сторону, где деревня осталась, вздохнул.

- Ты что вздыхаешь?

- Это я нарошно.

- Испугался?

- Ну, испугался! Чего мне бояться?

- Теперь все равно домой не дойдешь до вечера. Вечером волки нападут...

Оглянулся Сережка во все стороны, а Мишка рассказами страшными мучает:

- Дойдешь до Ефимова оврага - там жулики по ночам сидят. Недавно лошадь отняли у мужика и самого чуть-чуть не убили.

Поднялся Сережка, сел - ноги калачиком - со страхом поглядел на товарища.

- Ты сколько дней можешь не емши протерпеть? - спросил Мишка.

- А ты?

- Три дня могу.

Сережка вздохнул.

- Я больше двух не вытерплю.

- А сколько без воды проживешь?

- День.

- Мало. Я день проживу да еще полдня.

Когда отошли от бугорка, Сережка сказал неожиданно:

- Я тоже проживу день да еще маленько.

5.

Вот и чугушка невиданная.

Стоят на колесах избы целой улицей, из каждой избы народ глядит. Тепло в избах, мужики с бабами на крышу лезут, друг друга подсаживают, снизу подталкивают. Сверху вниз мешки летят, чайники, холщевые сумки. По крыше солдат с ружьем ходит, громко на баб с мужиками покрикивает:

- Нельзя сюда!

Сгонит с одной крыши, они на другую забираются. Опять сверху вниз мешки летят, опять солдат с ружьем кричит:

- Нельзя сюда!

Мишка тоже на крышу забраться хотел, поближе к народу, но раз нельзя - не полезет, надо правило знать. Сережке совсем непонятно. Глядит во все глаза, с места не оторвешь.

- Зачем их толкают оттуда?

- Нельзя тут - казенный. Видишь - солдат с ружьем.

И мужику с двумя мешками совсем непонятно. Сдвинул шапку на затылок, крепко задумался:

- Куда вскочить?

На трех крышах был - везде нельзя. Бросился за водокачку в дальний вагон, там, наверное, можно. Мишка ударился за мужиком, Сережку торопит:

- Айда скорее, не отставай!

А Сережка понять ничего не может.

Направо - невиданные вещи, налево - невиданные вещи. У них в селе на столбах по три проволоки - здесь по восемь в два ряда. Шары стеклянные висят, на рожках играют. Двое мужиков с фонарями прошли. Везде железные полосы гайками привинчены. Споткнулся Сережка об одну полосу, а спереди прямо на него изба без окошек двигается, колесами и хрустит.

- Задавит, мальчишка, уйди!

Лезет мужик с двумя мешками на вагонную крышу, и Мишка за ним, словно кошка, вверх.

- Ты куда?

- В Ташкент мы с Сережкой.

- Слезай скорее, это не в Ташкент!

- А куда же, дяденька?

- В Сибирь, в Сибирь! Прыгай!

- Стукнуло Мишкино сердце, волосы на голове так и поднялись. Где Сибирь? Какая Сибирь? Сам на крыше сидит, Сережка около колеса бегаёт.

- Лезь, Сережка, лезь!

Хотел ухватиться Сережка за приступок вагонный, а вагон пошел.

- Батюшки!

Бежит Сережка вдоль колеса, не отстает. Дух захватило, голова треплется, глаза помутились.

- Не догонишь!

Сильно разболелось Мишкино сердце, жалко товарища: пропадет. И домой итти забойтся. Если на ходу спрыгнуть расшибеешься. Очень шибко вагон пошел: крыша покачивается, колеса постукивают.

Спутался ногами Сережка, полетел вниз головой.

- Пропал теперь!

Смотрит Мишка на станцию, на упавшего Сережку, вспомнил уговор не бросать друг друга. Чего делать? Придется ворочаться с другой станции. А вагон вдруг тише пошел, остановился: наверно, забыл чего-нибудь. Дернул раз вперед, попятился по другой дороге. Еще дернул раз вперед, опять пошел по другой дороге. Раз пять обернулся туда и сюда. Вывез в самое поле позади станции - встал. Выпустила дух машина, в сторону пошла от него.

Мужик с двумя мешками ругается.

- Ах, нечистая сила! Я думал - настоящий он, в Сибирь повезет...

Мишка рад до смерти.

Прибежал на станцию, а Сережки нет. Побежал на то место, где Сережка упал, и места того нет. Вот будто тут и будто тут. Метался - метался, насилиу разыскал товарища около стрелочниковой будки. Уткнулся Сережка головой в колени, плачет.

Мишке это не понравилось.

- Зачем плачешь?

- Потерял ты меня.

- Держаться будем друг за дружку, расспросим хорошенько дорогу, которая на Ташкент, зря больше не сядем. Жди пока я на станцию сбегаю, послушаю, чего мужики говорят. Никуда не ходи, на этом месте будь.

Нельзя перечить: Мишка - вожак.

Прижался Сережка около будки и глаза закрыл.

- Эх, дурак! Зачем поехал?

Есть хочется, плакать хочется. Забудет Мишка про него, сядет один и уедет, а он и дороги не знает, как домой дойти. Если бы и знал - нельзя: дойдешь до оврага - там жулики. Мужиков больших убивают, мальчишку маленького ничего не стоит: сразу - смерть.

А дома, наверно, думают: когда Сережка приедет? Ходит мать по шабрам, рассказывает "Сережка наш за хлебом в Ташкент поехал". Бабушка, пожалуй, не дождется - умрет. Хорошая бабушка. Сроду не била Сережку. И мать тоже хорошая. А речка какая! Все лето можно купаться, если бы не голод.

Лезет вечер на станцию, одевает деревья черным платком. Шары на столбах загорелись, в будке за стеной кто-то постукивает:

- Дррр! Дррр!

А Мишка нейдет. Сядет один и уедет.

Опять за стеной кто-то постукивает:

- Дррр! Дррр!

Хотел в окно поглядеть Сережка, а мимо будки - чудовище с огненными глазами: пыхтит, гремит фукает. Сверху искры летят. Вдруг как фыркнет около самой будки, сбоку дым пошел - прямо на Сережку. Бросился Сережка от будки и сумочку с лаптями позабыл.

6.

Мишка сразу два дела сделал: дорогу на Ташкент узнал и корочку выпросил у товарища красноармейца. Обо всем приходится самому думать. Хлеба нет, денег нет, Сережка неопытный. Надо будет покормить его маленько, чтобы не обессилел. Сунул Мишка корочку в карман - укусить два раза - подумал.

- Дам ему чуть-чуть, наплевать. После заплатит.

Хотел сейчас же к будке бежать, да попался на глаза ему аппарат телеграфный в окошке. Интересный! Лента из него белая лезет, и человек пальцем постукивает. Другой человек с трубкой около уха по проволоке разговаривает. Загляделся Мишка и не помнит, как корочку в рот положил. Вспомнил про Сережку голодного, совесть мучить начала:

- Зачем с'ел?

Прибежал на то место, где Сережка остался, а Сережки нет. Вот и будка эта самая с одним окошком... или другая, похожая на эту. Что такое? Маленько заплатался. Повернул в другую сторону - на поле вышел. Куча соломы белеет, месяц стоит над самым бугорком, смотрит на Мишку. Людей не видно. Только молотком стучат за станцией, да плачет кто-то тихонько в канаве. Подошел поближе, а в канаве баба с ребятами сидит. В середине жарничек потухает. Волосы у бабы растрепанные. Качает она головой, приговаривает:

- Милые мои детушки, куда мы с вами пойдём теперь?

И Мишка подумал:

- А я куда пойду?

Вернулся на станцию, крикнул.

В поселке собака залаяла.

- Вот так штука! Где искать?

И бросить нельзя: вместе уговаривались, клятву дали.

- Дурак! Одному бы ехать - лучше.

Сел на станции около дверей Мишка, задумался. Посидел, посидел, глаза слипаться начали. Открыл, они опять закрылись. Вспомнил про Сережку, вздохнул.

- Куда денется? Утром найдется.

Упала Мишкина голова на колени, тело кверху поплыло. Плывет, как на крыльях, все выше и выше поднимается.

Мать снизу кричит:

- Упадешь, Миша, куда забрался?

А Яшка брат голубей стреляет из деревянного ружья. Пукнет раз - голубь. Еще пукнет раз - еще голубь. Штук десять напугал. Повесил на веревочку и давай этими голубьями Мишку по голове бить.

Рассердился Мишка, хотел было Яшку ударить, а перед ним солдат с ружьем.

- Нельзя здесь лежать!

Собаченка мимо прошла, обнюхала воздух. Поглядела в дверь, пошла на цыпочках дальше, Вышел мужик без шапки.

- Ты чего, мальчишка, зябнешь?

- Спать, дяденька, больно хочется.

- Куда едешь?

- В Ташкент мы с Сережкой, а он потерялся.

- Иди в третий класс, - уснешь.